

Государев двор Михаила Фёдоровича Романова: политическая элита Московского государства в отражении просопографии

Политическая и социальная история России XVII столетия остаётся богатным полем для историка в плане выявления новых, ранее не введённых в научный оборот источников, реконструкции событийной канвы исторического процесса, а также разработки и апробации новых методов научно-исследовательской работы. В частности, в последние годы на материалах XVII в. стали выстраиваться просопографические исследования, позволяющие восстанавливать картину исторического прошлого с помощью составления своего рода «коллективного портрета» той или иной социальной группы. Удачным примером такой просопографической работы стала недавно опубликованная двухтомная монография петербургского учёного Андрея Павловича Павлова, посвящённая изучению состава Боярской думы и придворного окружения первого царя из династии Романовых — Михаила Фёдоровича¹. А.П. Павлов принадлежит к числу известных и авторитетных специалистов по истории России XVI—XVII вв. Коллегам хорошо знакомы его монография по истории Государева двора конца XVI — начала XVII в., написанные им главы коллективной монографии по истории российской политической элиты, многочисленные статьи и подготовленные им публикации исторических источников.

Книга А.П. Павлова сразу вызвала живой отклик и интерес специалистов в области российской истории XVII в. В обсуждении монографии приняли участие доктор исторических наук М.О. Акишин (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина), В.А. Аракчеев (Российский государственный архив древних актов), А.В. Беляков (Институт российской истории РАН), Д.В. Лисейцев (Институт российской истории РАН), П.В. Седов (Санкт-Петербургский институт истории РАН), кандидат исторических наук А.В. Виноградов (Институт российской истории РАН).

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Владимир Аракчеев: Образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, воссоздавших Российское государство

Vladimir Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts): The Exemplary prosopographic study of the history of hundreds of genera that recreated the Russian State

DOI: 10.31857/S086956870010780-9

Двухтомная монография А.П. Павлова является логичным продолжением его предшествующих трудов: книги о Государевом дворе при Борисе Годунове (а точнее, во второй половине XVI в.) и осуществлённой в соавторстве фун-

¹ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 624 с.

даментальной публикации осадного списка 1618 г.² Ключевым по своей значимости вкладом Павлова в науку в новой монографии стала концепция реставрации самодержавия, опиравшегося на «новую придворную аристократию» (Т. 1. С. 42—259, 776). Ещё Е.Д. Сташевский показал, что утвердившееся в историографии представление о победе среднего дворянства в «первые времена после Смуты» покоилось на четырёх предположениях: 1) соотношение сил во Втором ополчении; 2) принятие Уложения 1649 г., выразившего интересы средних классов; 3) значительная роль Земских соборов в 1610-х и 1630—1640-х гг.; 4) сосредоточение земель в руках дворянства и трансформация их поместий в вотчины. Исследователь отверг изложенные объяснения и пришёл к выводу о сохранении властных позиций за родовитым боярством и дьячеством³. Как показал А.П. Павлов, и в правление Филарета, и после его кончины в административном управлении страной возрастала роль аристократии и Думы, восстановившей влияние на законодательный процесс, а также на внешнюю политику и ведение войны (Т. 1. С. 470). Этот вывод является логичным продолжением сформулированной ещё в монографии 1992 г. концепции, согласно которой служилый характер русской аристократии предопределял и статус царской Думы, остававшейся высшим органом законодательной власти при царе. Её роль в регулировании служебных отношений, выражавшаяся в приговорах о местничестве, в управлении бояр и окольничих отдельными приказами и городами, в замещении высших командных постов в армии, продолжала оставаться первостепенной⁴.

Павлов детально и с опорой на недвусмысленные показания источников обосновал вывод о падении в 1613 г. влияния руководителей временного земского правительства кн. Д.Т. Трубецкого и кн. Д.М. Пожарского в борьбе с сформировавшимся окружением царя. В то же время автор показал, что заслуги Пожарского в дальнейшем были оценены: вопреки закону от 30 ноября 1613 г. за ним и его сыновьями сохранили дворцовую Пурехскую волость, а сам он в 1616—1618 гг. состоял судьёй приказа Сбора пятинных и запросных денег. Длившаяся до 1640 г. активная служба Пожарского, несомненно, являлась следствием его высокой репутации и выдающихся административных способностей (Т. 1. С. 149—156, 496—497).

Чрезвычайно важны отдельные наблюдения, складывающиеся в стройную концепцию. Тот факт, что непосредственно по взятии Москвы оказалось не так много желающих из числа служивших Сигизмунду московских бояр перейти в земское правительство, свидетельствует о крайней осторожности думской аристократии (Т. 1. С. 48—49). Новым словом в науке является вывод о репрезентативности состава подписей на «Утвержденной грамоте» 1613 г. и цепочка умозаключений о составе избирательного собора. Показанные Павловым особенности политической ситуации февраля 1613 г. позволили ему говорить об избрании Михаила Романова «снизу», без широкой поддержки правящей элиты и дворянства (Т. 1. С. 107).

² Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992; Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. VIII. М.; Варшава, 2009.

³ Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. 59—60.

⁴ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба... С. 228—232.

На основе детального анализа источников автор отверг представления Е.Д. Сташевского и П.П. Смирнова об «абсолютизме» Филарета в период его патриаршества (1619—1633). Тот факт, что в управлении приказами за годы его правления приняло участие большинство (78%) бояр и окольничих, позволяет утверждать, что влияние Боярской думы не стало меньшим, а роль его ближайших «друзей» не была всеобъемлющей. Показательно и то, что кн. Б.М. Лыков, которого ранее относили к «друзьям» патриарха, до 1634 г. не привлекался к участию в «ответных» комиссиях на дипломатических переговорах (Т. 1. С. 456, 483). Исключительный интерес представляет анализ новых пожалований в бояре и окольничие при Филарете. С одной стороны, автору удалось показать роль родственных и свойственных связей при новых назначениях; с другой стороны, статус пожалованных формировался с учётом и их генеалогии, и служебных заслуг. В пожаловании кн. С.В. Прозоровского в окольничие в 1630 г. роль успешной службы как полководца, очевидно, была не меньшей, нежели его близость к Шуйским и Романовым (Т. 1. С. 367—370). Из цепи пожалований в Думу вырисовывается некая система, которую можно охарактеризовать как политику «примирения». Зримым примером такой системы является пожалование в бояре в 1634 г. И.П. Шереметева, в 1612 г., в бытность костромским воеводой противившегося продвижению нижегородского Ополчения к Ярославлю (Т. 1. С. 522—523).

Первая половина XVII в. даёт возможность полнее представить не только служебные, но и интеллектуальные достижения думцев, многие из которых счастливо сочетали административные и литературные таланты, как, например, кн. Ф.Ф. Волконский, защитник крепости Белой, член комиссии по составлению Уложения 1649 г. и автор оригинального автобиографического летописца (Т. 1. С. 529). В этом контексте иную окраску принимают доказанные автором факты заметного сокращения в Думе представительства первостепенной княжеской знати (Т. 1. С. 673). Очевидно, что факты фаворитизма (в случае воспитания при дворе и последующего возвышения князя-сироты Б.А. Репнина) не должны затмевать предположения об острой конкуренции между служилыми людьми Государева двора, что не могло не приводить к выдвижению на первенствующие позиции инициативных и деловитых администраторов и воевод.

Важным научным выводом является доказательно обоснованное заключение о времени возврата родовых вотчин потомкам княжат XVI в. Часть этих фактов была известна ранее, но А.П. Павлов впервые в науке смог обосновать вывод о массовом возвращении в 1610—1620-х гг. потомкам суздальских, стародубских, ярославских, оболенских князей принадлежавших их непрямым предкам вотчин, частично выморочных, а частично конфискованных в период опричнины и позднее (Т. 1. С. 451; Т. 2. С. 53, 71, 74, 83, 93, 119, 125, 152, 156, 176). Чуть ли не единственным примером сохранения в полном объёме родовых вотчин являлись служившие в опричнине князья Сицкие-Ярославские. Таким образом, Павлов опроверг весьма влиятельную в историографии 1980—1990-х гг. концепцию В.Б. Кобринина о незначительном воздействии опричной земельной политики на состояние княжеско-боярского землевладения⁵. Крайне важными представляются наблюдения о незавидном состоянии землевладения потомков видных деятелей XVI в.: весьма скромными были вотчины внука известного опричника Андрея Ивановича Очина-Плещеева и многих других потомков слуг Ивана Грозного (Т. 1. С. 308—309).

⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985. С. 150—158.

Генеалогические штудии Павлова по истории правящего сословия России в конце XVI — первой трети XVII в. сопоставимы с вкладом С.Б. Веселовского в изучение «класса служилых землевладельцев» средневековой Руси. К крайне важным выводам подталкивают сведённые воедино данные о массовом пресечении в это время 23 княжеско-боярских родов (Т. 1. С. 724—726). По сути дела, с политической сцены сошла целая генерация служилой аристократии, создавшей вместе с потомками Калиты единое национальное государство. Совпавшая с кризисом Смутного времени, смена правящей элиты не могла не оказать влияния на ход и проявления этого кризиса.

Ряд верных выводов автора может быть подкреплён дополнительными аргументами. Исследованное им падение клана Салтыковых, чья отставка состоялась в октябре 1623 г. (Т. 1. С. 278), несомненно, происходило постепенно. Это хорошо видно по росписи откупов, подготовленной в 1623/24 г., из которой следует, что уже к сентябрю 1623 г. Салтыковы и их агенты-откупщики утратили не менее четырёх доходных мест. Это было явным признаком падения их влияния: окружение Филарета в первую очередь старалось лишить противоборствующую группу доступа к монетизированному доходу. Если в 1618/19 г. боярин Б.М. Салтыков и окольничий М.М. Салтыков руками своих крестьян собирали откупа с с. Ростуново Боровского уезда (6 руб.), с посадов Соли Великой (27 руб. 20 алт.) и Соли Малой (13 руб. 21 алт.), с посада Зубцова (7 руб. 11 алт.), то в 1623/24 г. за ними осталась лишь волость Судиславль (179 руб. 6 алт.). Разница в доходах в данном случае видима: в 1623/24 г. сумма откупа с Соли Великой, уплаченного посадским человеком, превысила 102 руб. вместо 27 руб. пятью годами ранее, что свидетельствует о преднамеренном занижении суммы откупа при получении прав на него в 1618 г.⁶

А.П. Павлов полагает, что «к моменту возвращения Филарета страна находилась в состоянии серьёзного политического кризиса», признаки которого он усматривает в злоупотреблениях властью, касавшихся главным образом вмешательств в местнические споры и интриги по расстройству свадьбы царя с Марией Хлоповой (Т. 1. С. 247—255). Представляется, однако, что кризис был системным и выражался в том числе в некомпетентности приказных дьяков и пренебрежении государственными делами со стороны представителей правящей элиты. Важнейшие четвертные приказы, в руках которых сосредоточился сбор налогов с большей части тяглого населения страны и суд по гражданским делам, находились под руководством двух администраторов: Устюжской четвертью и приказом Казанского дворца управлял глава внешнеполитического ведомства думный дьяк П.А. Третьяков, а Владимирской, Галицкой, Костромской и Новгородской четями с 1616 по 1618 г. ведал боярин кн. Г.П. Ромодановский⁷. В этих условиях все нити управления приказами находились в руках дьяков. В частности, дьяки Новгородской четверти А. Витовтов, П. Матюшкин, В. Семёнов «ложно» оформляли не существовавшие боярские приговоры. В 1617/18 г. в процессе расследования о неправомерно «сложенных» доходах с Каргополя выяснилось, что кн. Г.П. Ромодановский, по сути, устранился от процесса повседнежного управления приказами: «И боярин князь Григорей Петрович сказал, что он о складках и о зачетех не приговаривал, и что имать по новому дозору з живущего, а с пуста не имать, и государевых денег никаких

⁶ РГАДА, ф. 371, оп. 2, ч. 1, д. 11, л. 50—58.

⁷ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 228, 230, 232, 234.

не складывал и не зачитывал, и по новым дозором никаких доходов з живущего имати, а с пуста складывати не веливал, и приговоров таких писати на челобитной о зачетех не веливал; а только бы ему государевы доходы складывати или зачитати, и он бы де то, выписав в доклад, ходил ко государю и к бояром, и государя бы докладывал, и з бояры говорил вверху, а по празникам у церквей говорил, а без государева он указу и без боярского приговору ни одново алтына не складывал, те де приговоры и на челобитье дяки писали ложно»⁸. Изложенное свидетельствует, что злоупотребления проистекали из-за отсутствия надлежащего контроля за деятельностью дяков со стороны Боярской думы и царя и затрагивали не только местнические споры или патримониальные дела дворца, но и ключевую сферу государственного управления — финансы.

Крайне сложным методологическим вопросом является анализ политической истории времени правления Михаила Фёдоровича. Естественное, что в просопографическом исследовании, посвящённом верхним слоям Государева двора, всё внимание уделено составу Думы, служебным назначениям и чиновным пожалованиям, матримониальным делам царской семьи. Представляется, однако, что далеко не все подобного рода события и факты следует интерпретировать как «политические». Исследование автора начинается с детального анализа деятельности Земского собора 1613 г., однако в дальнейшем соборы со страниц монографии «исчезают». Методологически верным представляется следование автора концепции Р.О. Крамми, пришедшего к выводу о том, что главную роль при формировании придворных групп играли не экономические или социальные интересы, а семейные отношения, брачные союзы и системы патронажа (Т. 1. С. 20). Однако совокупность этих отношений влияла на формирование придворных групп, но не на правительственную политику, и полагать, что последняя ограничивалась совокупностью этих отношений, было бы не вполне верным.

Так, 1637—1642 гг. стали временем не только усиления придворной борьбы, но и ведения реальной политической борьбы между верхами служилого сословия и провинциальными детьми боярскими. Зримые следы этой борьбы воплощены в коллективных челобитных служилых и посадских людей, выступлениях московских дворян Н. Беклемишева и Т. Желябужского на Земском соборе 1642 г. Предметами обсуждения в челобитных и на заседаниях соборов были вопросы, составлявшие нерв политики того времени: засилье иностранного купечества на национальном рынке, право сыска и возврата беглых крестьян без урочных лет, реформа местного и центрального суда, возможность и необходимость войны за Азов. Очевидно, что верхушка правящей элиты (кн. И.Б. Черкасский, Ф.И. Шереметев, кн. Б.А. Репнин) включалась в осмысление этих вопросов и работу над изменением законодательства не в меньшей степени, чем в интриги при дворе, что, собственно, и составляло политику того времени.

Это отнюдь не умаляет гигантского вклада, внесённого Павловым в осмысление событий царствования Михаила Фёдоровича, и, самое главное, в изучение персонального состава правящей элиты в системе её патримониальных и служебных связей. Фундаментальная монография автора представляет собой образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, чьи представители в первой половине XVII в. воссоздавали основательно порушенное государство. Благодаря исследованию А.П. Павлова последующая трёхсот-

⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 39594, л. 17.

летняя история национального государства, переросшего в империю, основывается на непоколебимом фундаменте объединённых в систему достоверных фактов.

Андрей Беляков: «Восточный след» в Государеве дворе первой половины XVII в.

Andrey Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Eastern trace» in the Sovereign's court of the first half of the 17th century

DOI: 10.31857/S086956870010781-0

Новое исследование А.П. Павлова продолжает его более раннюю работу о Государевом дворе конца XVI в., при этом разительно от неё отличаясь. Значительно больший объём сохранившихся архивных источников, увеличенный хронологический охват, рост числа лиц, подпадающих под определение членов Государева двора, — всё это заставило автора сузить рамки исследования высшей стратой правящей элиты — думными и комнатными людьми. И даже при таком ограничении перед читателем предстало исследование объёмом в 1 400 страниц. Павлов построил свой труд как просопографическое исследование, что поставило его перед необходимостью рассматривать не отдельные исторические личности, а дворянские роды в целом, ведь именно род был главным аргументом в местнических случаях и делах, связанных с вотчинным землевладением. Перед читателем предстаёт сложная картина борьбы за влияние у трона отдельных семей и группировок; эти события разворачиваются на фоне избрания на царство Михаила Романова, восстановления и постепенной эволюции системы управления Московского государства, борьбы с последствиями Смуты во всех её проявлениях.

Особую ценность, по моему мнению, представляют разделы, посвящённые генеалогии отдельных родов, где рассматриваются не только нисходящие мужские линии, но также многочисленные связи через свойство, возникавшие благодаря бракам. В результате становится более понятной логика заключения тех или иных брачных союзов, а также формирование отдельных придворных группировок, борющихся за власть. Отличительная черта исследования Павлова — внимание к представителям придворной элиты восточного происхождения, демонстрация способов её инкорпорации в ряды старомосковской знати. Затронуты судьбы представителей семей князей Черкасских, Юсуповых, Кутумовых, Шейдяковых, Урусовых, Тюменских, Смайлевых, Сулешевых. Поражает объём проделанной Павловым работы: все последующие исследователи должны учитывать обработанный в монографии материал и сделанные на его основании выводы. Разумеется, полученная картина по ряду причин не может быть всеобъемлющей — остаются отдельные «боковые» сюжеты, неизвестные автору. Укажу на некоторые из них, оговорив, однако, что многие дополнения стали возможны только после прочтения монографии.

Исследователь уделяет большое внимание процессу избрания на царство Михаила Романова и сбору подписей под «Утвержденной грамотой». Он, в частности, детально анализирует процесс подписания итогового документа (Т. 1. С. 51—136). При этом факты наличия/отсутствия среди подписантов представителей тюркской служилой знати не нашли объяснения. А ведь это очень важный вопрос для понимания того, как выстраивалась этническая политика Русского государства. На «Утвержденной грамоте» имеются четыре подписи на татарском языке, принадлежавшие мецкерским служилым мирзам